

Олег Григорьев: поэтика примитивизма

Леухина Анна Владимировна

студентка

Самарский государственный университет, Самара, Россия

email: annavladimirovna@bk.ru

Олега Григорьева (1943–1992) называют маргиналом, люмпенизированным, уличным россиянином. Его культура, действительно, культура кухонь и улиц. Сам он позиционировал себя как непрофессиональный поэт.

Чаще всего поэзию и прозу Григорьева не относят к какому – либо определенному направлению, ограничиваясь только указанием на принадлежность к питерской сфере, андеграунду, близость к той или иной группе: обэриуты, лианозовцы, митьки.

Поэтика Олега Григорьева чрезвычайно мало исследована: изучение его творчества ограничивается жанром рецензии, литературно–критического эссе, биографического очерка (исключением является недавно вышедшая монография Е.В. Хворостьяновой, в которой рассматривается эмблематическая структура лирического текста, петербургский текст и система стиха Григорьева).

Ключом к пониманию творчества Григорьева является исследование его поэтики в русле эстетики примитивизма. Подразумеваются два аспекта – ретроспективный и перспективный. Ретроспективный – поиск исторических корней творчества Григорьева в целом, его связь с обэриутской эстетикой, в частности с творчеством Хармса. И перспективный – поиск «родства» Григорьева с современной поэзией (митьки, лианозовцы, отдельные представители питерской поэзии).

Необходимо прокомментировать понятия примитива и примитивизма, рассмотреть особенности поэтики примитивизма; реконструировать поэтический контекст творчества Олега Григорьева, предложив в качестве ближайшего фона наследие Даниила Хармса.

Примитив (или наив) противопоставлен примитивизму: наивный поэт разрушает устойчивые структуры на всех уровнях – орфографии и пунктуации, синтаксиса, логики образа, поэтической традиции, семантики, метра и ритма,– делая это скорее бессознательно. Примитивист придает совершённой уже деформации определенный художественный смысл, то есть примитивизм – сознательная имитация примитива, оказывающаяся литературным фактом. Построенный на деформации, игре, примитивизм оказывается максимально свободной, открытой системой с высоким уровнем субъективности автора. Появляется новая творческая идентичность, балансирующая на границе между официальным и неофициальным, признанным и непризнанным, профессиональным и непрофессиональным, маргинальная по своей сути.

Нередко представление о русском поэтическом примитивизме авангардной эпохи ассоциируется с деятельностью “Объединения реального искусства”, в особенности с творчеством Хармса. Для ряда писателей единственным способом легитимации примитивизма являлась детская литература. И для Хармса, и для Григорьева характерен особый взгляд на вещи – детский взгляд. Здесь нет нормативных культурных оценок, дидактики, это детский взгляд «изнутри». Ребенок считает нормой то, что для других не является нормальным, с помощью нонсенса ребенок учится понимать окружающий его мир. Играя с понятиями, он их усваивает.

Метаморфозы, разрыв связей между предметами и понятиями усиливает в детях ощущение реальности, это их путь познания мира. В мире, который репрезентирует Григорьев, отменяются, нарушаются границы, мы наблюдаем непрерывные внутренние переходы и взаимопревращения: «Он был Сидоровым, который сидит под деревом,/ И деревом, которое растет над Сидоровым,/ И при том/ Был птицей на этом дереве и ее гнездом» [Григорьев: 144].

Автор использует архетипические мотивы созидания и разрушения, свойственные детскому мировоззрению: «Обломки стула/ лежат дома,/ Отломки стула,/ Отстлулки лома» [Там же: 159]. Формируется образ чудака, даже юродивого (в воспоминаниях современников о Хармсе и о Григорьеве часто встречается такое сравнение), поступки, жесты, слова которого смешны и страшны одновременно. На столкновении смешного и

несмешного – страшного, жестокого – построен черный юмор. «Шел я мимо пилорам, / Дальше шел я пополам» [Там же: 173]. Так называемые «страшилки» Григорьева оказываются в центре юношеского сознания и входят в городской фольклор 70–80х годов.

Лирический субъект Григорьева – это не просто лирический герой, не герой ролевой лирики, это нечто другое. Лирический субъект Григорьева – это наивный автор, работающий в поэтике «примитива», в то время как автор (автор в широком смысле слова) – существо литературы, его сфера – поэтика примитивизма.

Литература

Григорьев О. Птица в клетке. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005.

Давыдов Д.М. От примитива к примитивизму и наоборот (русская наивная поэзия XX века) // Арион. 2000. №4. С. 81–95.

Хворостьянова Е.В. Поэтика Олега Григорьева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002.